

СЕРГЕЙ БАЛЕНКО

**КАК ВЫЖИТЬ
И ПОБЕДИТЬ
В
АФГАНЕ**

БОЕВОЙ ОПЫТ СПЕЦНАЗА ГРУ

Книга, которая спасет вам жизнь

Сергей Баленко

**Как выжить и победить в Афгане.
Боевой опыт Спецназа ГРУ**

«Яуза»

2014

Баленко С. В.

Как выжить и победить в Афгане. Боевой опыт Спецназа ГРУ / С. В. Баленко — «Яуза», 2014 — (Книга, которая спасет вам жизнь)

В этой книге автор супербестселлера «Учебник выживания Спецназа ГРУ», выдержавшего уже 10 изданий, собрал бесценный опыт боевого применения Спецназа в Афганской войне. Это – лучшее учебное пособие, как выжить и победить в Афгане. Это – «мастер-класс» ветеранов ГРУ, на счету которых сотни боевых выходов, штурм дворца Амина и укрепрайона душманов «Карера», перехват караванов в Герате и Кандагаре, разведрейды и блокирование границы, разгром перевалочных баз и уничтожение вражеских засад, ликвидации главарей бандформирований и еще десятки операций, вошедших во все учебники войск специального назначения. По словам генерала Громова, «сделать то, что выполняли спецназовцы в Афганистане, под силу только беспредельно мужественным и решительным солдатам. Люди, служившие в батальонах спецназа, были профессионалами самой высокой пробы». А по оценке американцев, «единственные советские войска, которые воевали успешно, – это силы специального назначения»! Ранее книга издавалась под названием «Спецназ ГРУ в Афганистане».

© Баленко С. В., 2014

© Яуза, 2014

Содержание

Память...	5
Патриотизм – идеология солдата	8
Как штурмовали дворец Амина	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сергей Баленко

Как выжить и победить в Афгане. Боевой опыт Спецназа ГРУ

Память...

Уникальным явлением XX века в истории вооруженных сил планеты Земля навсегда останется непобедимая и легендарная Советская армия. Каждому, кто в ней служил, есть чем гордиться, есть что вспомнить и о чем рассказать, тем более если он служил в легендарном спецназе ГРУ ГШ.

Сегодня, спустя 30 лет, хочется вспомнить об одной из самых ярких, поистине уникальной операции, проведенной спецназом ГРУ совместно со спецгруппами КГБ СССР в декабре 1979 года.

Конечно, многое из самих событий и предшествующего периода забылось. Об этой операции высказывалось и высказывается до сих пор много различных суждений, причем порой самых невероятных. Даже участники тех событий по-разному воспринимают их. Много не доказывается или опускается вообще.

Даже сейчас трудно дать однозначную оценку правомерности наших действий с точки зрения политической целесообразности и необходимости. Велик соблазн рассматривать те события с точки зрения того, что известно сейчас, когда всем и все можно говорить, когда появилось множество описаний афганской эпопеи. Главное в том, что все они в той или иной мере противоречат друг другу, изобилуют неточностями.

Человеческое восприятие уникально и неповторимо: одни и те же люди, наблюдавшие одни и те же события, могут совершенно искренне и «объективно» описывать их совершенно по-разному. Так уж устроен человек. Но, с другой стороны, возможно ли объективно реконструировать события прошлого?

В нашей стране так уж повелось, к сожалению, что с приходом к власти нового политического лидера всегда первым делом «исправлялась» и «переписывалась» заново история, которая с каждым новым политическим «сдвигом» становится все запутаннее и недостовернее...

В результате мы имеем то, что имеем. Ведь порой «официальные факты» истории бывают схожи с действительно имевшими место событиями только некоторыми датами да еще местом событий. Но, исходя из «политических принципов» и «воспитательных соображений», можно изменить и даты и места! Можно забыть о погибших, о своих руководителях. А можно вообще опустить сами эти события.

В последнее время в печати и на телевидении появляются сюжеты самовыпячивания, самовосхваления. И получается так, что вот только мы (конкретные участники передачи или герои очерка) и, никто другой, сделали это. Муссируются версии вечного спора о первенстве между КГБ СССР и ГРУ ГШ по реализации совершенно фантастической операции – взятия дворца Тадж-Бек в декабре 1979 года. И не исключен вариант, что когда умрут их последние очевидцы – окажется, что этих событий и не было, что все забыто и кануло в Лету...

Ведь тогда, в декабре 1979 года никто не думал о наградах, о героизме, о смерти. Все были молоды, энергичны и простодушны. Как спецы из КГБ, так и спецназовцы гордились своей причастностью к элитным подразделениям, гордились и за себя, и за державу. Прикрывали друг друга в том бою.

Зачем же сейчас, по прошествии почти 30 лет, отделять себя от других, тянуть одеяло на себя. Все вы – участники операции «Шторм-333», – должны помнить о неповторимом чув-

стве боевого братства, которое зарождается между бойцами, испытывшими тяготы и лишения, пережившими сражение, видевшими кровь и трупы, побывавшими на грани между жизнью и смертью.

Для широкой общественности долго оставалось тайной, что же произошло тогда в Кабуле, в канун нового, 1980 года. Суммируя различные версии и факты, ссылаясь на рассказы очевидцев, руководителей этой операции: В.В. Колесника, Ю.И. Дроздова, О.У. Швеца, Э.Г. Козлова и других, – можно попытаться восстановить определенную картину того времени. Только попытаться, так как ни одна версия не будет полностью отражать истинную хронологию тех событий. Сколько участников, столько мнений, суждений, версий. Каждый человек видит все по-своему. И все же...

Основная задача была выполнена.

Бой продолжался 43 минуты.

Утром 28 декабря, вспоминая впоследствии офицер «мусульманского» батальона, прозвучали последние выстрелы операции по ликвидации аминовского режима, в ходе которого армейский спецназ, впервые появившийся в Афганистане, сказал свое веское и решительное слово. Тогда никто из батальона не подозревал, что отгремевший ночной бой был лишь дебютом, после которого предстоит участие в сотнях операций, еще более кровопролитных, чем эта, и что последний солдат спецназа покинет афганскую землю лишь в феврале 1989 года.

Страна уже втянулась в конфликт, и у нас еще долгие месяцы скрывали, что происходят события, которые уносят жизни где-то в Афганистане.

В тот вечер в перестрелке погиб общий руководитель спецгрупп КГБ полковник Г.И. Бояринов, которого заменил подполковник Э.Г. Козлов. Потери спецгрупп КГБ СССР составили 4 убитых и 17 раненых.

В «мусульманском» батальоне из 500 человек погибло 5, ранено – 35, причем 23 человека, получившие ранения, остались в строю.

Много лет бытовало мнение, что дворец Таж-Бек брали спецгруппы КГБ СССР, а армейский спецназ только присутствовал при этом. Это мнение абсурдно. Одни чекисты ничего не могли бы сделать (14 человек из ПГУ и 60 из спецгрупп). Но справедливости ради надо отметить, что по уровню профессиональной подготовки спецназовцам трудно было в то время соперничать со спецами из КГБ, но именно они обеспечили успех этой операции.

Эту точку зрения разделяет и генерал-майор Ю.И. Дроздов: «Когда штурмовые группы разведчиков-диверсантов ворвались во дворец и устремились к своим объектам внутри здания, встречая сильный огонь охраны, участвовавшие в штурме бойцы «мусульманского» батальона создали жесткое непроницаемое огневое кольцо вокруг объекта, уничтожая все, что оказывало сопротивление. Без этой помощи потерь было бы много больше. Ночной бой, бой в здании требуют теснейшего взаимодействия и не признают выделения каких-либо ведомств». Этим сказано все.

Большое человеческое спасибо, Юрий Иванович, за объективную и справедливую оценку.

Ввод войск в Афганистан, вне всякого сомнения, был ошибкой. Очаг опасности для нашей страны там был, данных на этот счет имелось достаточно. Но разрешать кризисную ситуацию следовало путем переговоров. Критикуя тогдашнюю власть за эту недалекость, у нас заодно подвергли поруганию труд солдата, выполнявшего приказ военно-политического руководства с верой в его справедливость. Естественно, это больно ударило по самолюбию людей и ослабило боеспособность армии. Оскорбив и унизив солдата, лидеры государства и общество лишили себя права на защиту с его стороны.

Все участники штурма дворца Таж-Бек достойны Славы, Почета и Уважения. Независимо от принадлежности к структурному подразделению, цвету погон и знакам различия. Главное – вы всё сделали профессионально, не уронив чести Солдата.

Этому Солдату спецназа и посвящен мемориал «Доблесть и память спецназа», открытый 8 сентября 2007 года в парке Боевой Славы подмосковного городка Химки.

Труд солдата на Руси исстари был в почете. Опасность, нависшая сегодня над страной, настоятельно требует исправить эту вторую ошибку. Пока не поздно, пока...

Все мы, и это естественно, рано или поздно уйдем в вечность, а история спецназа должна остаться с теми, кто придет после нас, с военнослужащими спецназа будущего. В этой истории много поучительного, и половина ее написана кровью наших бойцов.

Известный советский писатель Юлиан Семенов справедливо заметил по этому поводу: «Кто контролирует прошлое, не растеряется в настоящем, не заблудится в будущем».

Да, когда-то мы были единым спецназом Советского Союза. И несмотря на то что сегодня мы разорваны границами «независимых» государств и различных ведомств, мы мыслим и чувствуем одинаково.

Мы родом из спецназа!

Мы помним вас, братишки!

Мы служим спецназу!

Патриотизм – идеология солдата

Приходится читать и слышать суждения об афганской войне 1979-1989 годов (указываю годы, потому что в этой несчастной стране войны не кончаются) как о войне «ошибочной», «непродуманной», «странной», «ненужной» и т. д. Исходя из этих предпосылок, иные авторы делают далеко идущие выводы о зря потерянных на этой войне солдатах и офицерах, о ни за что ни про что искалеченных телах и душах. Когда встречаюсь с таким умозаключением, у меня в душе не просто поднимается волна протеста – обжигает стыд и гнев как при виде надругательства над могилами. Да, можно понять убитую горем мать, которая вопрошает: «За что? Дед погиб на фронте за Родину, а внук – за что?» И ей ничего не ответишь, потому что ее горе не примет никакого объяснения. Но у нас есть страна, есть армия, есть человек, которому государство вручает оружие. И должна быть единая патриотическая идеология гражданского долга. Как присяга. Причем эта идеология касается не только солдата, но и гражданского государственного чиновника, каждого журналиста, каждого гражданина по его отношению к солдату. Чтобы каждый «человек с ружьем» знал, что рискует жизнью не ради себя, а ради Родины. Эта идеология проста, стара и неизменна для каждого способного любить. Эта идеология называется патриотизмом. «Человек с ружьем» без патриотизма – уже не солдат, а бандит.

Вот на эту тему в преломлении к Афганистану и 30-летию операции «Шторм-333» мне хочется высказаться, поскольку мой опыт участия в этой войне и сроки двух командировок (1982-1984, 1986-1988), как мне кажется, позволяют свидетельствовать со знанием дела. В эти годы я был советником ЦК КПСС в провинции Нангархар и советником в зоне оперативно-войсковой ответственности «Восток». Оперативно-войсковая зона «Восток» была создана на границе с Пакистаном, именно там, где на противоположной ее стороне были сосредоточены до 70 % душманских лагерей, баз, объектов их хранения и госпиталей. Мне приходилось осуществлять постоянные контакты с руководством ДРА, военным командованием, представляя интересы советской стороны. Много и практически круглосуточно работал с командованием советских воинских частей и разведывательных органов КГБ СССР и ГРУ ГШ. Я принимал участие во всех оперативно-войсковых операциях в зоне ответственности. За этот период у меня сложились добрые товарищеские отношения с командирами и политработниками советских воинских частей и соединений, боевая работа которых, безусловно, обеспечивала стабильность республиканской власти на местах и безопасность жителей, населяющих три провинции – Нангархар, Кунар и Лагман.

В провинциальном центре г. Джелалабад на постоянной основе дислоцировались советские мотострелковые и авиационные воинские части. Когда проводились боевые операции, то к нам перебрасывались дополнительно части мотострелковых и парашютно-десантных войск. В феврале 1984 года из Айбека в Джелалабад была передислоцирована первая часть спецназа – отдельный батальон 15-й бригады специального назначения ГРУ. Это был легендарный 154-й отдельный отряд специального назначения («мусульманский» батальон), которым командовал энергичный майор Владимир Портнягин. Само управление бригады со штабом прибыло из Чирчика в марте 1985 года и сразу окунулось в боевую работу. Спецназ по праву считался ударным отрядом Ограниченного контингента. Ни в коей мере не принижая роли мотострелков и летчиков, я расскажу подробнее о спецназовцах, поскольку с ними пришлось работать в более тесном контакте. Этим уникальным соединением в Афганистане командовали два толковых командира: до апреля 1986 года подполковник В.М. Бабушкин, а затем его сменил полковник Ю.Т. Старов, который, пожалуй, был одним из самых старших по возрасту, талантливых и опытных командиров спецназа ГРУ, возглавлявший коллектив бригады до конца 1990 года. Спецназовцам была выделена 800-километровая полоса ответственности вдоль афгано-паки-

станской границы. Часто к операциям спецназа привлекались группы из оперативных батальонов ХАДа и агенты ХАДа на местах, работавшие как наводчики.

Моя советническая деятельность охватывала контакты как с руководством ДРА и местными органами власти, так и с не зависимыми от властей пуштунскими племенами, откуда «духи» в основном рекрутировали моджахедов. От расположенности вождей этих племен зависело многое. При этом я принимал участие практически во всех оперативно-войсковых операциях в зоне «Восток». Война есть война! Так что в моем арсенале памяти сотни названий кишлаков и уездов, где проходили бои, номера войсковых соединений, сотни, а может, и тысячи имен командиров, как афганских, так и советских (надо ведь все время иметь в виду, что мы помогали Афганской народной армии). Особенно дружеские отношения у меня сложились с командирами соединений и воинских частей специального назначения и разведывательных органов, такими как Ю.Т. Старов, С.С. Шестов, В.Н. Кириченко, В.Н. Коршунов, которые возглавляли группы «Каскад», «Тибет», с С.Г. Оздоевым, командиром «Вымпела» капитаном первого ранга Э.Г. Козловым, подполковником А.Н. Листопадом и многими другими. Их не перечислить всех, кто сегодня всплывает в памяти, на которых я хочу опереться в своих суждениях.

При всех противоречивых оценках как самого ввода Ограниченного контингента советских войск в Афганистан, так и отдельных аспектов этой войны, по мере удаления того события в историю вдруг исторически неожиданно, казалось бы, парадоксально всплывают глубинные народные оценки. Журналистские репортажи из современного Афганистана доносят до нас голоса простых жителей, вчерашних «душманов», боровшихся с нами: «Брежнев и Наджибулла были лучшими руководителями», «шурави» не только воевали, но и строили заводы, дороги, плотины...» То есть «в осадке» у афганского народа нет ожесточения и ненависти к нам как к «оккупантам».

В том и состоял смысл моей советнической миссии (как и всего многочисленного корпуса советских советников), чтобы наше пребывание в стране по просьбе правительства Афганистана ни в коем случае не расценивалось бы как «вторжение», «оккупация», а только помощь. Интернациональная помощь. Интернациональный долг.

Кто-нибудь из тех умников, любителей выискивать ошибки задним числом, учитывает эту сторону нашей деятельности? Или вместе с высокими понятиями типа «интернациональный долг» отбросили и чисто человеческие, дружеские отношения, которые неизбежно возникали в процессе межгосударственного, межнационального общения? В том-то вся суть, что мы не разделяли афганский народ на враждующие стороны и, помогая одной, волей-неволей становились врагами для другой стороны. А ведь помощь наша в виде продовольствия, техники, стройматериалов, организации и охраны их доставки во все регионы предназначалась всему афганскому народу. И то, что об этом благодарно помнят сейчас и бывший царандоевец, и бывший моджахед, говорит о не прошедших зря усилиях, затратах и потерях.

Мы сами свои ошибки знаем лучше тех «умников». Надо было или не надо было совершать этот ввод – не будем сегодня высоколобо задним числом подменять собой Политбюро ЦК КПСС и советское правительство того времени, целиком охваченное логикой «холодной войны». Свершился факт истории. И внутри этого факта мы все, направленные туда, в пекло, вели себя достойно в самых экстремальных, парадоксальных, экзотически-инородных условиях, на ходу делая дополнительные ошибки и находя наиболее приемлемые для обеих сторон выходы, решения. Кстати, пуштунские племена, веками живущие в свободной зоне, находящейся между Афганистаном и Пакистаном, в известной нам истории никем не были покорены – ни войсками Александра Македонского, ни Англией. Все попытки окончились полным провалом. Их население составляет более 20 миллионов человек. Короли Афганистана всегда уважительно относились к их вождям, их кодексу чести «Пуштунвали», который по сегодняшней день является альфой и омегой поведения и жизненных принципов этого народа. Устную дого-

воренность с вождем племени, численность которого, как правило, от 10 до 200 тысяч человек, можно было считать договором, скрепленным печатями власти, и по вине племени она не нарушалась. Именно пуштунские племена были основой движения мятежников. Мы, советские люди, пришедшие в Афганистан по приказу нашей страны, там сражались за их революцию. Это была наша идеология, наше воспитание.

Командующий 40-й армией, ныне губернатор Московской области Б.В. Громов отмечает в своей книге «Ограниченный контингент», что войска практически столкнулись с неизвестным советской науке театром военных действий. Ни в училищах, ни в академиях, ни в уставах, ни в наставлениях не «проходили» и не приводили примеров, похожих на афганскую действительность. Я сам был свидетелем комической ситуации, когда в штабе 66-й мотострелковой бригады приехавший из Москвы корреспондент спрашивает начальника штаба подполковника Князева: «Далеко ли до противника?» По афганским меркам, вопрос абсурден. Поэтому начальник штаба ответил под хохот присутствующих: «Двести метров в любую сторону».

Мне довелось побывать практически во всех крупных гарнизонах советских войск, и могу сказать, что вопрос обустройства войск в зоне «Восток» решался хуже, чем в северных районах или в Кабуле, Шиндане и Герате, где все дивизии располагались в стандартных военных городках по единому плану. Строительство осуществлялось специализированными отрядами военных строителей. Прибывающие для проверки военные руководители и начальники порой не вникали в особенности боевых действий и обеспечение материальными средствами, боеприпасами, но нередко обходили казармы и рассматривали, как заправлены солдатские кровати и стоят ли рядом с тумбочкой тапочки. А один большой генерал устроил разнос командиру батальона за то, что у его подчиненных были не покрашены ободренные в походах каски. Не занимаясь показухой, мы старались сделать все для оказания помощи командирам, и хотя быт многих частей был неказист – особенно у спецназа, люди не жаловались и благодарили за помощь. Я помню, как пришлось принимать и размещать 154-й отряд специального назначения. В полукилометре от Самархеля под мощными эвкалиптами находились развалины шести каменных строений бывшего консервного завода. Вот туда-то и решили посадить спецназовцев. Собственными силами, без привлечения строительных подразделений спецназовцы оборудовали комфортабельный военный городок. Благоустройство территории шло непросто. Мне пришлось самому не один раз объезжать предприятия, ирригационный узел и комбинат железобетонных изделий. Просил дать десанникам в долг необходимые материалы. Первое время батальон больше время занимался хозяйственными делами. Воевать днем невозможно. Жара адская. Однако на реализацию разведанных группы выходили регулярно. Особое внимание уделялось провинции Кунар. Там размещение асадабадского батальона спецназа шло еще труднее. Там в палатках, кунгах и землянках прожил личный состав до вывода. Скромный архитектурный портрет – несколько модулей, сборных железных конструкций под столовые и складские помещения, деревянные будки туалетов и раковин, автопарк. Самым священным местом в городках были бани. Хотя банные постройки имели непритязательный вид. Часто это были землянки, состоящие из нескольких помещений, с небольшими подслеповатыми окнами. Несмотря на спартанские условия жизни, спецназовцы быстро привыкали к своим городкам и любили их. Даже строили для души небольшие бассейны, облагораживали священные места – самодельные обелиски и памятные знаки в честь погибших сослуживцев.

Карта афганского театра военных действий напоминала бы шкуру леопарда, если бы не менялась ежедневно. А так ее и сравнить не с чем. В зависимости от возникающих задач оперативной обстановки проводились локальные операции с привлечением тех или иных частей и соединений. Так вот, по свидетельству генерала Б.В. Громова, ни одна из этих воинских операций с участием советских соединений не была проиграна. Как не была проиграна и вся афганская кампания. От чего нашему русскому «человеку с ружьем» опускать стыдливо голову? Он не посрамил славы русского (советского) оружия. Он вышел из сопредельной территории по

решению своего Верховного главнокомандования с улыбкой радости, с гордо развевающимися знаменами. Он не запятнал свою душу преступлениями против человечности, типа выжженной напалмом территории, стертых с лица земли кишлаков, массовых расстрелов и других зверств, на которые, к несчастью, иногда срывались воюющие стороны.

За свои ошибки платили своею кровью. Число предателей, перебежчиков ничтожно мало. Даже случаев так называемой «дедовщины» я, например, не припомню. В общем, наш воинский контингент в Афганистане, несмотря на известные стратегические просчеты, локальные издержки и даже неудачи, показал себя миру организованным, дисциплинированным, квалифицированным, гибким, высокоморальным. Американцы, большие специалисты все калкулировать и выводить коэффициенты рентабельности или индексы эффективности, давно уже подсчитали, что русская кампания в Афганистане, оказывается, была высокоэффективной с точки зрения соотношения воинских потерь.

Кстати, американцы же сразу заметили и оценили соединения специального назначения, проявившие свои великолепные качества в Афганистане. «Единственные советские войска, которые воевали успешно, – это силы специального назначения, доставлявшиеся на вертолетах», – писала газета «Вашингтон пост» 06.07.1989. Разумеется, это похвала «сквозь зубы», отсюда и словечко «единственные». Ныне чуть ли не во всех академиях изучается афганский опыт советского спецназа, особенно первая операция «Шторм-333», которой командовал полковник В.В. Колесник. Отряд спецназа ГРУ, неофициально называемый «мусульманским», потому что укомплектован был выходцами преимущественно из республик Средней Азии и Казахстана, и спецподразделения КГБ СССР «Зенит» и «Гром» в течение 45 минут выполнили поставленную задачу. В общем, воистину «воины-интернационалисты». Все они были отмечены наградами Советского Союза.

В рамках статьи не рассказать о многочисленных случаях героизма, самоотверженности, взаимовыручки наших солдат и офицеров, которые после учебных полигонов впервые подверглись испытанию настоящим огнем. Тем не менее не так уж редки случаи мужественной стойкости даже в безнадежных ситуациях: смерть от последней гранаты в окружении врагов.

Так что всякие попытки принизить дух воина-интернационалиста, навязать ему некий «афганский синдром» наподобие «вьетнамского» у американских солдат – изначально лукавы; они исходят не от реальности, а от навязанной определенной идеологической установки – чохом отрицать, очернять, осквернять все советское прошлое. А это в корне неверно не только потому, что тени без света не бывает, но и потому, что мы не должны уподобляться «иванам-непомнящим-родства» и предавать самих себя и наших прекрасных юношей-воинов, которые прощались с жизнью в Афганистане, будучи свято верными присяге своей великой Родине.

Кстати, отметим еще одну особенность афганской войны: возвращение тел погибших за границу на родину, к семье, что прежде не практиковалось. Похороны печальная, но и наиболее эмоциональная торжественная процедура. А уж похороны воина, павшего в бою, – особенно. Но припомните, с какой трусливой таинственностью, секретностью проводились эти необходимые ритуальные мероприятия в начале войны воинскими и местными властями. В дальних углах кладбищ, без огласки. И как постепенно была сметена эта страусиная практика. Сметена народным вниманием и уважением к памяти солдата, отдавшего жизнь на войне. Порой у могил собиралось все население поселка, на траурную процессию выходили завод, школа, институт и т. д. «Это надо не мертвым, это надо живым». И те, кто сопровождал печальный «груз-200», и оставшиеся воевать в Афгане друзья, видя заботу Родины о «последних почестях», только укреплялись в своих патриотических чувствах. А это, в свою очередь, подпитывало ту «самую кровную, самую смертную связь» солдата с Родиной, которая и зовется духом армии, самым эффективным ее оружием.

Прошедшие за 10 лет через горнило Ограниченного контингента десятки и сотни тысяч молодых людей Советского Союза благодаря общему для них «духу» сплотились в новое

военно-ветеранское движение, продолжающее традиции ветеранов-победителей в Великой Отечественной войне. Их «афганские» организации стали заметной частью общественной жизни страны. И хотя «нелегкая досталась доля» этому поколению – возвращаться в мирную жизнь во время социально-политической перестройки, «афганские» организации проявили себя и умелыми защитниками индивидуальных судеб, и помощниками бывшим воинам, родителям погибших, инвалидам в их многочисленных стычках с идеологически размагниченным и дезориентированным чиновничеством. Они же стали инициаторами упорядочения законодательства о воинах-интернационалистах.

Мощное «афганское» общественное движение – показатель патриотической стойкости и нравственной чистоты прошедшей через это испытание части советской молодежи, которая уезжала за границу Советского Союза, а вернулась уже в другую страну. Было отчего впасть в синдром. Думается, именно самоорганизация «афганцев», их послеафганская спайка и дружба предотвратили эпидемию «афганского синдрома». Чтобы убедиться в отсутствии такового, достаточно обратиться к довольно обширному и популярному «афганскому фольклору», самодеятельному и профессиональному художественному творчеству. В многочисленных романах, повестях, стихах и поэмах, в кинофильмах и песнях отражена мужественная, нравственно-красивая суть массового «афганца», воспеты воинские подвиги, увековечена память павших.

Солдатский патриотизм выражается не в словах, хотя и они важны. Солдат доказывает свою любовь к Отечеству самым серьезным «аргументом» – жизнью, и перед таким неоспоримым доказательством всякое умничанье о зря или не зря понесенных потерях просто кощунственно. А у солдата в «командировке» за границей, как у нашего воина-интернационалиста, появлялась дополнительная ответственность перед Родиной: ты теперь уже не сам по себе, ты – «шурави», и от тебя зависит, будет ли это слово проклятием или уважительным обращением. И то, что оно даже сейчас произносится беззлобно, уважительно большинством афганцев, свидетельствует о том, что наши интернационалисты пронесли там такую ответственность достойно.

Там, в Афганистане нашего времени, Правительством СССР и ЦК КПСС перед всеми нами, советскими людьми, ходившими по минным и караванным тропам, и выполнявшими свою миссию в кабинетах высшего руководства этой страны, была поставлена главная стратегическая задача – иметь рядом с нашей государственной границей дружественную страну, и этой задаче были подчинены все наши действия. И свой вклад в это внесли соединения и воинские части специального назначения ГРУ ГШ ВС СССР.

С.М. Беков

Член Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации.

Генерал-полковник таможенной службы

Как штурмовали дворец Амина

Автор этого очерка – профессиональный разведчик Юрий Иванович Дроздов во время операции «Шторм-333» руководил действиями спецподразделений КГБ – групп «Зенит» и «Гром». Его рассказ, повторяя канву событий во время штурма дворца Амина, уже знакомую читателю по воспоминаниям руководившего всей операцией В.В. Колесника, дает дополнительные сведения, раскрывающие политическую и международную подоплеку непростых решений о вводе советских войск в Афганистан.

На этом фоне еще ярче и отчетливее вырисовывается героическая роль В.В. Колесника, его воинский и гражданский подвиг.

Силы для проведения этой акции формировались постепенно. В середине сентября сразу же после захвата власти Хафизуллою Амином в Кабул прибыли 17 офицеров из спецподразделения КГБ СССР во главе с майором Яковом Семеновым. Они разместились на одной из вилл советского посольства и до поры до времени работали в различных ведомствах.

17 декабря 1979 года на 19.00 я был вызван к Ю.В. Андропову вместе с Крючковым. Поскольку уточняющие вопросы о предстоящей беседе задавать было не принято, а документы управления, требующие внимания Андропова, были доложены Крючкову, я полагал, что мог потребоваться для более подробных объяснений по их содержанию.

Андропов приветливо поздоровался с нами, предложил горячего чая с лимоном. Он быстро рассмотрел срочные документы, касающиеся деятельности нелегальной разведки, и заговорил о положении в Афганистане. Заканчивая беседу, Андропов попросил меня вылететь на несколько дней в Кабул, ознакомиться с обстановкой на месте, посмотреть, чем занимаются сотрудники, прибывшие туда в ноябре.

Беседу он закончил словами: «Обстановка там сложная, назревают серьезные события, а ты у нас один из тех, кто по-настоящему воевал».

Я спросил: «Когда вылетать?» Юрий Владимирович посмотрел на Крючкова, который включился в беседу, и сказал: «Завтра утром в 6.30, аэропорт Чкаловский». Исходя из содержания беседы, я попросил информировать наше представительство в Кабуле о моем вылете и характере задания. Андропов сказал, что это будет сделано Крючковым, и тепло попрощался со мной.

Вернувшись в управление «С», я отдал необходимые распоряжения подполковнику Э.Г. Козлову, сказав, что завтра, рано утром, вылетаем на несколько дней в Кабул. Все в отделе следили за обстановкой в кризисной точке, и ему без слов было ясно, что необходимо сделать до вылета. Как говаривал Александр Васильевич Суворов: «Солдатские сборы недолги. Вели закладывать бричку – и поехали».

Утром 18 декабря по дороге в аэропорт, сидя в машине, вспоминал все, что мне было известно об Афганистане. Нужно заметить, что наши предки к этой стране как району возможных операций русской армии относились весьма серьезно. Что же ожидало нас?..

Впервые с афганской проблемой мне пришлось столкнуться в Нью-Йорке. Внимательный анализ ситуации еще в 1978-1979 годах подтверждал обоснованность тревоги руководства СССР за состояние южных границ страны. Изменения в политической жизни Афганистана в 1978 году серьезно обеспокоили противников Советского Союза, ибо затрудняли осуществление их планов. В ЦРУ, например, было решено с помощью специально подготовленной агентуры противодействовать укреплению режима Тараки.

Американские разведчики, готовившие агентуру из числа афганцев, утверждали, что так просто русским Афганистан не отдадут, что создадут международную вооруженную коалицию сопротивления новому демократическому режиму и всеми силами будут добиваться ослабле-

ния советского влияния в стране, вплоть до развертывания басмаческого движения в советской Средней Азии. С какой целью? Закрепление в Афганистане приблизило бы США к уникальной кладовой мира – Таджикистану.

В период «атомного бума» Советский Союз провел тщательную разведку на Памире. Ее результаты, ставшие известными Западу, особенно по запасам урановой руды, давно не давали покоя монополистам многих стран. Поэтому и сегодня всеми силами Россию пытаются вытеснить из Таджикистана, спешат построить из Исламабада на Памир автомагистраль, проложить новый Шелковый путь через Горный Бадахшан.

За спиной России, оказывающей экономическую и военную помощь Таджикистану, ряд западных и израильских фирм пытаются перекупить добычу полезных ископаемых здесь.

Недавно в Душанбе побывал гражданин Израиля Аркадий Фукс, который вел с местными руководителями переговоры о том, как не пускать в Таджикистан русские компании, а через подставные (американские, английские, китайские) фирмы произвести захват горнодобывающей промышленности Таджикистана.

При чем тут Таджикистан, если речь идет об Афганистане?

Да при том, что все это начиналось еще тогда, в 70-е годы. И речь тогда шла о необходимости защиты южных рубежей страны, о сохранении в руках советского народа перспективных источников энергии и других богатств Памира. Разведка предупреждала о возможном развитии событий. А сегодня? Практически только 201-я мотострелковая дивизия и наши пограничники своими силами и кровью гарантируют безопасность закулисных сделок западных фирм по вытеснению России из экономики Таджикистана, в создании и развитии которой она принимала и принимает непосредственное участие. Парадокс!

Инертность России в этом регионе может обойтись ей дороже, чем ошибочное решение советского руководства о вводе войск в Афганистан в 1979 году.

Бывший директор ЦРУ С. Тернер в своих мемуарах даже утверждает, что они о предстоящем вводе нашего Ограниченного контингента узнали заблаговременно, а следовательно, администрация Соединенных Штатов имела возможность, если бы хотела, воспрепятствовать этому. Располагая практическим опытом ведения длительной войны на чужой территории (Вьетнам), военно-политические круги США внимательно следили за развитием обстановки в зоне возрастающего конфликта в Афганистане.

Несмотря на то что от технических средств американской разведки не ускользнули произведенные перемещения некоторых соединений, среди американских политических деятелей и аналитиков разведки в то время все же не было единого мнения о готовности и возможности осуществления Советским Союзом военного вторжения в Афганистан. Эксперты исходили из того, что втягивание нашей армии в афганский конфликт ляжет тяжелым бременем на экономику, не говоря уже о потерях в человеческих ресурсах, чего, безусловно, не избежать. Но можно однозначно утверждать, что среди немногих, кто страстно желал всего этого, был известный своим иезуитским отношением к СССР Збигнев Бжезинский, рассматривавший обескровливание Советского Союза в афганской войне как своего рода компенсацию тех потерь, которые США понесли во время вьетнамской кампании.

Наряду с традиционными методами ведения разведки американцы определенное значение придавали проведению в Афганистане тайных операций военного характера, на что в дополнение к уже утвержденному бюджету ЦРУ Конгресс США выделил 40 млн долларов.

ЦРУ в Афганистане по-настоящему воевало с СССР. Об этом довольно обстоятельно писал в газете «Вашингтон пост» американский журналист Стив Колл. Он сообщал, что в октябре 1984 года военно-транспортный самолет С-141 «Старлифтер», на борту которого находился директор ЦРУ Уильям Кейси, приземлился на базе ВВС южнее Исламабада. Директор ЦРУ совершил эту секретную поездку для планирования стратегии войны против советских войск в Афганистане. Вертолеты доставили Кейси в три секретных учебных лагеря близ

афганской границы, где он наблюдал, как повстанцы-моджахеды вели огонь из тяжелого оружия и учились делать бомбы из пластиковой взрывчатки и детонаторов, поставляемых ЦРУ. Во время визита Кейси поразил пакистанских лидеров, предложив им перенести афганскую войну на вражескую территорию – в Советский Союз. Кейси хотел переправлять подрывные пропагандистские материалы через Афганистан в южные республики СССР, где проживает преимущественно мусульманское население. Пакистанцы согласились, и вскоре ЦРУ поставило тысячи экземпляров Корана и другой исламской литературы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.